

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Р82

Тори Ру НОЛЬ

Иллюстрация на обложке *Анастасии Васильевой*

Ру, Тори.
Р82 Ноль: роман / Тори Ру. – Москва: Издательство АСТ,
2020. – 320 с.

ISBN 978-5-17-119485-7

Мою семью уважают и поддерживают, твою — презируют и про-
клинают. Нас воспитывали в атмосфере страха и взаимной ненависти.
Но это не то, что мы чувствуем друг к другу.
Что произойдет, если мы рискнем при всех взяться за руки?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-119485-7

© Тори Ру, 2019
© Анастасия Васильева, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Ноль

Подо мной лимонно-желтого платья в белый горошек и панамы в тон сливаются с ковром из одуванчиков, в который превратился в начале знойного июня луг за дачным домом. Я слышу встревоженный бабушкин голос:

— Соня! Соня!

Она мечется по заднему двору и заламывает в отчаянии руки, а мне, пятилетнему ребенку, затаившемуся в двадцати метрах, интересно следить за ее реакцией.

Бабушка всегда очень сильно обо мне беспокоится, даже слишком сильно — это я понимаю. Все из-за тети Сони, наверное. Но я ведь не делаю ничего плохого, просто пошла погулять. Зачем же так переживать?

Надо мной в чистом голубом небе плывут пушистые облака, рядом, тяжело перелетая от одуванчика к одуванчику, грозно жужжит толстый шмель, за рекой звонко лают собаки.

Бабушка сворачивает за дом и скрывается из виду, лишь ветер доносит ее крики со стороны улицы, а я загадочно улыбаюсь и пригибаюсь еще ниже к земле, упираюсь ладонками в ее теплые комья... Странное резкое шипение раздается из-под руки, отпрянув, я зажмуриваюсь — живой толстый шнурок, обвитый блестящей

черной проволокой, застыл возле моих ног. От ужаса не могу пошевелиться.

— Это гадюка. Не дергайся. Она уползет... — тихо и быстро говорит кто-то у моего плеча, и маленькая пята с растопыренными пальцами зависает над ней в предостерегающем жесте.

Помедлив немного, змея и вправду скрывается в высокой траве.

— Ты Соня? Тебя ищут! — сообщает голос.

Поднимаю глаза и вижу бледного белокурого мальчика, похожего на прозрачное доброе привидение. Продолжаю дрожать от омерзения к ползучему гаду, но светлая улыбка и удивительные глаза моего спасителя прогоняют из головы все дурные мысли.

— Тс-с-с! Не выдавай меня! — прошу я.

— А что ты здесь делаешь?

— Хочу стать невидимкой...

— Ха! Я тоже хочу!

— Тогда садись рядом. У тебя все получится. На тебе ведь желтая майка!

Кивнув, мальчик быстро опускается на корточки.

— Откуда ты знал, что она не укусит?

— Змейки не нападают по собственной воле. Зря дачники убивают их. Лучше бы давали им уползти и спокойно жить...

Солнышко греет худые детские спины — прошло довольно много времени. Мы разговариваем о мультиках и игрушках, рвем цветы, и я смотрю, как ловко длинные пальцы мальчика сплетают гибкие, истекающие липким соком стебли в нарядный венок, улы-

баюсь и чувствую себя просто замечательно. Мне надоела бабушка, с ней скучно. Я здесь всего три дня, а уже так хочу домой, к маме...

— Ты откуда? — спрашивает мальчик. — Ты новенькая?

— Да, я теперь тут всегда буду жить. С бабушкой, в Микрорайоне...

— А я живу совсем недалеко. На Заводской.

— Мне нельзя дружить с ребятами с Заводской. Бабушка запретила! Говорит, что они страшные! — Я кашляю в кулачок, а мальчик весело смеется:

— Я страшный?

— Не-е-ет...

Детская память не сохранила подробностей, картинки того дня, перемешавшись, сложились в новую, на которой кто-то из взрослых бесцеремонно хватает меня под руки, и бабушка кричит:

— Соня! Как ты могла?! Нельзя одной выходить из дома, ты забыла?

— Я не одна! — реву от обиды. — Мы играем тут с мальчиком!

— С каким еще мальчиком, Сонюшка? Нет здесь никого!

Воспоминания не стираются из памяти, особенно красочными становясь в моих снах.

Я так и не узнала имени того мальчика — он растворился в воздухе, пропал... Но ощущение покоя и свободы, никогда потом не повторившееся, навсегда осталось со мной. Как и взгляд не по годам усталых детских глаз

маленького человека, спасшего меня в момент первой в жизни реальной опасности.

— Соня! Соня! — снова слышу я и возвращаюсь в действительность: раннее утро угрюмо смотрит в окна комнаты, бабушка, поглядывая на часы, одной рукой стаскивает с меня теплое одеяло. — Вставай. К доктору опоздаешь!

ОДИН

Приятный сон не отпускает даже наяву, согревает и радует — в приподнятом настроении я собираюсь в городскую поликлинику. Бабушке нужно на работу, поэтому я поеду туда одна.

Азарт щекочет душу: возможность вот так выбраться в город представляется мне крайне редко, даже не верится, что бабушка на это решилась.

Она подозревает у меня наличие страшных болезней, страдает бессонницей и пьет успокоительные — все оттого, что за лето я сильно похудела. И я никогда не признаюсь ей в том, что не ем специально, что ее еда каждый раз становится поперек горла и оказывается выброшенной в унитаз.

— Сонюшка, как только доберешься, обязательно отзовишься! И после визита к врачу тоже! Незамедлительно! — напутствует бабушка из прихожей, откуда долетает тяжелый запах ее парадно-выходных духов. Хлопает дверь, в замке поворачивается ключ, квартира погружается в тишину.

— Угу... — отзываюсь я глухо и удрученно напяливаю на себя белую блузку и серую юбку, скрывающую колени.

* * *

— Алло? — бабушка дует в трубку и громко кричит: — Соня? Что сказал врач?

— Что со мной все в порядке! Направил на анализы и выписал витамины. Я резко выросла, потому и похудела! — торжественно вру, прогуливаясь по беленому больничному бордюру.

— Яблочек по пути купи! И сразу домой!

— Батарея садится! Прости! — отключаюсь и удолетворенно прячу телефон в карман.

В отличном расположении духа сворачиваю к небольшому магазину, набираю в пакетик и взвешиваю зеленые яблоки — сама, без присмотра, совсем как взрослая. Здорово, что бабушка сегодня не смогла отпроситься с работы.

Ликуя, по центральной улице шагаю к остановке, и последний августовский день расцветает вокруг буйством слегка полинявших красок.

Завтра в школу. Меня ждет десятый класс. Мне шестнадцать, но бабушка напрочь отказывается помнить об этом.

* * *

Старенький пазик ползет по городу; в открытые форточки влетают сквозняки, из динамиков гремит песня, ставшая хитом задолго до моего рождения.

Позади остаются последние домики Центра, начинается промзона.

Наш городок мал: Центр, в котором расположены административные здания и несколько престижных ста-

линок, Микрорайон из десяти панельных пятиэтажек, домики Частного сектора, больница, два детских сада и две школы. Еще есть парк, церковь, библиотека, профлицей (он же, по старинке, ПТУ) и филиал областного университета. Градообразующее предприятие — трубопрокатный завод — много лет стояло в запустении и лишь недавно вполсилы заработало вновь.

А вот и Заводская улица — бараки без горячей воды и элементарного ремонта при заводе, где живет всякий сброд. Дальше будут вещевого рынок и вокзалы — авто- и железнодорожный. Город сам намекает жителям, что из него давно пора валить...

В моей школе учатся ребята из Микрорайона, Центра и Частного сектора — относительно обеспеченные и адекватные, а «заводские» — малочисленные местные отморозки — после девятого класса дружно идут в ПТУ получать специальности сварщиков и поваров, ведь школа дает только общее образование.

Но в этом году случилось ЧП городского масштаба: один из «заводских» изъявил желание учиться дальше. Завтра он придет в наш образцовый 10 «Б» класс. И все бы ничего, но этот умник — Урод.

Бабушка услышала страшную весть от бывших коллег еще в июле. И слегла с давлением. Весь месяц она писала жалобы в разные инстанции, пыталась воздействовать на нового директора, но успехом ее бурная деятельность не увенчалась. Оказывается, Урод хорошо учится, и школа не имеет права отказать ему в получении дальнейшего образования.

Громкий лязг раздается в салоне, мотор глохнет, заунывный голос певца смолкает, под потолком плывет черный дым.

— Приехали! Выходим! — орет водитель бубнящим бабушкам. — Ничего не знаю, ждите следующий рейс!

Вслед за возмущенными пассажирами я выхожу из автобуса.

То же яркое солнце запуталось в камуфляжной сетке зеленых листьев, тот же ветер треплет волосы, тот же запах пыли и скошенной травы наполняет легкие. Над макушками кривых деревьев возвышаются огромные трубы.

Заводская. Район, где мне строго-настрого запрещено бывать.

Слегка кружится голова, в груди разрастается жгучий интерес.

Престарелые «подруги по несчастью» в ожидании автобуса занимают лавочку на остановке, а я затаив дыхание решаю прогуляться. Совсем чуть-чуть.

Неподалеку виднеются ржавые ворота — вход в запущенный сквер или парк, а внутри — памятник рабочему в зарослях кустарников и выкрашенные синей краской скамейки. Оттуда доносятся веселые голоса.

— Пого танцуют так! — густым басом поучает кто-то; миновав куст сирени, замираю — огромный детина в кожаной куртке с заклепками, плотно прижав руки к телу, несколько раз подпрыгивает на месте. — А то, что ты избражаешь, — не канон! Ты трясешься, будто тебя током долбануло!

— Не колышет. У меня свой пого! — вальяжно отзывается парень в мешковатом пиджаке и вдруг выдает резкие, ломаные, ненормальные телодвижения.

В ужасе пячусь назад, проваливаюсь каблуком в трещину асфальта, пакет в руках надрывается, я всхлипываю.

Парень оборачивается и пристально смотрит мне в глаза.

Так и есть. Урод...

Отброс и изгой, который рыщет по окрестностям в компании не менее уродливого панка Воробья, одевается в черное — пальто с огромными плечами или уродский пиджак, стрижется под короткий ежик и носит в ухе женскую серьгу с кроваво-красным камнем. Когда он забредает в Микрорайон без Воробья — здорового двухметрового бугая, — его бьют. Когда он идет в магазин, ему не продают хлеб. Когда он заходит в автобус, его сторонятся. И поделом. Урод обязан страдать.

Но здесь и сейчас он почему-то раскован и весел... Он живет и радуется!

Сжимаю кулаки, возмущенно разглядываю кошмарное существо в нескольких метрах от меня — мозг заклинило от злости.

Фрукты из разорванного пакета раскатились по земле, один замер у носка пыльного тяжелого ботинка. Урод наклоняется, поднимает яблоко и черной тенью возникает рядом. Рука с жуткой татуировкой, похожая на костлявую руку смерти, подает его мне.

Надо бежать — в шаге стоит тот, на кого нельзя смотреть.

— А где спасибо? — нагло выглядывает из-за его плеча Воробей.

Урод все так же молча протягивает мне яблоко.

«...Пустое место. Ничто. Ноль, который не должен жить...»

Сжимаю губы и с омерзением бью по теплым пальцам.

— Засунь свою помощь себе в... Я — Соня Наумова!

Яблоко разбивается об асфальт, а я, собрав остатки сил, разворачиваюсь и гордо шествую к остановке. От ужаса меня подташнивает, но Урод и его дружок не идут за мной и ничего не кричат вслед.

* * *

В прохладе и тишине квартиры прихожу в себя, включаю телефон.

— Ба, я дома! — Слышу вздох облегчения и опережаю докучливые расспросы: — Задержалась потому, что долго не было транспорта.

Иду в ванную, до упора поворачиваю оба крана и прямо в юбке и нелепой белой блузке залезаю в воду, хватаю ртом воздух и погружаюсь в нее с головой. Плевать, что она холодная.

Полный ненависти взгляд пронзил насквозь и пригвоздил сердце — оно трепещет, как бабочка на иголке. Самое жуткое в Уроде — не наряд и странности, а то, что его лицо с острыми скулами и непроницаемые черные глаза давно нравятся мне...

Два

В светлой просторной кухне хрипит радио, колышутся занавески на окнах, на столе меня дожидаются чай и бутерброд на фарфоровой тарелке.

Первое сентября — в честь такого события бабушка с утра задержалась дома.

Мысленно прикидываю вес и калорийность завтрака и прихожу в ужас.

Вернув на плиту чайник, бабушка садится напротив и внимательно наблюдает за тем, как я ем. Она нервничает — это заметно по сжатым губам и подрагивающим пальцам рук, по неестественной бледности и порывистости ее движений. Похоже, от бутера мне не отвертеться — дышу носом, старательно пережевываю еду и запиваю чаем.

— Не вышло? — наконец подаю голос и сочувственно улыбаюсь.

— Ох, Соня, ну куда мы катимся? Уж если директор не может решить этот вопрос!.. — Бабушка долго смотрит в окно позади меня, сгорая от гнева и бессилия.

— Не переживай, я его не боюсь. Вот увидишь, все будет хорошо! — с жаром заверяю я, но поджилки трясутся, а бутерброд, так и не провалившийся в желудок, вызывает приступ тошноты.

— Я знаю. Ты у меня умная девочка, — сдержанно улыбается бабушка и сжимает губы в линию. — Бог им всем судья. Но это не помешает нашей цели, ведь так?

— Ну конечно! Буду налегать на математику как проклятая!.. Ладно, мне пора! — Я вскакиваю, целую бабушку в щеку, хватаю рюкзак и букет и выбегаю на улицу.

Поднимая фонтаны мутных брызг, по шоссе гремят грузовики, стоя облезлых, похожих на зомби собак плетется вдоль забора к переполненным мусорным контейнерам.

Изнуряющую августовскую жару прогнал ночной ливень, от сырости форменная блузка под клетчатым шерстяным пиджаком вмиг прилипает к коже, по спине пробегает озноб. Еда распухает внутри, тошнота накатывает волнами. Юбка уже жмет в талии, еще немного, и бутерброд усвоится, калории вступят в химическую реакцию и отложатся жиром на боках.

В соседнем дворе я сворачиваю с проторенной дороги. Подвернув ногу, проклинаю массивную резиновую платформу, перехватываю удобнее обернутые шуршащей бумагой цветы и ныряю в дыру в заборе. Раздвигаю заросли высохшего репейника и оказываюсь на пустыре — открытом пространстве за пятиэтажками.

Оглядываюсь по сторонам — ветер треплет листья и гроздь сухих репьев, завывает в ржавых бочках, брошенных на краю оврага.

Здесь никого не бывает после всколыхнувшего городок ужасного происшествия: семнадцать лет назад орудовавший в окрестностях маньяк убил на этом месте девушку. Искусственные цветы неестественно ярким пятном выделяются на фоне грустного пейзажа.

В поисках уединенности я иногда и прихожу сюда.

Бросаю букет на траву, падаю на колени и заталкиваю руку глубоко в рот. До боли давлю на язык пальцами, и меня выворачивает — страшные булькающие звуки разносятся над пустырем. Пару минут пытаюсь отдышаться — горло саднит, дрожь проходит по телу, из глаз льются слезы. Я чувствую опустошение и облегчение. Приглаживаю волосы, поднимаю букет, встаю, отряхиваю юбку и собираюсь двинуть к выходу, но взгляд замирает на темной размытой фигуре — от неожиданности я вздрагиваю. На ржавой бочке, напоминая огромную черную птицу, на корточках сидит Урод.

— Вот черт... — шепот срывается с моих губ.

Парень, не мигая, смотрит на меня.

— Ты в школу? — спокойным голосом с легкой издевкой спрашивает он. — Первый день, а уже тошнит?

Нельзя, чтобы он заметил мой испуг и замешательство — игнорирую его слова, распрямляю плечи и надменно улыбаюсь:

— Зачем ты поперся в десятый класс? Собрался в универ? Но ведь ты же тупой!

— Да ладно... Думаешь, только вам разрешено отсюда выбраться? — усмехается он.

В его тоне слышится вызов, и кровь в венах закипает от злости.

— Тебе не жить, ты в курсе? Я об этом позабочусь! — шиплю я.

Урод спрыгивает с бочки и вразвалочку подходит ко мне. Рука с мерзкой татуировкой достает из растянутого кармана телефон и подносит его к моим глазам.